

ИСА

ЮРИЙ ОКУНЕВ

16+

Юрий Окунев

Иса

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33854502
SelfPub; 2018*

Аннотация

Дождь, музыка, полутёмный бар, встреча двух людей, которая предопределена свободной волей каждого из них.

– Нет, нет, нет, папа! Этого не будет! О чём ты вообще думаешь? И не пытайся меня уговорить, – Иса потёр подбородок и вспомнил, что собирался подровнять бородку. – И вообще, у меня есть работа, есть чем заняться и без твоих предложений!

В трубке забубнили.

– Ты мне ещё по дну моря, как посуху, пройтись предложи! – Иса затряс патлами. – Всё, всё! Не бухти. Потом поговорим – у меня клиент.

Иса дал отбой, кинул телефон за барную стойку, а на экране погасла надпись "Неопределённый номер". Клиентов ещё не было, поскольку бар открывался через десять минут, но терпеть занудство отца было невозможно. А музыкальный центр тем временем переключился с Land of Confusion, которая соответствовала настроению Исы, на Let it be, что совсем не соответствовало.

Но сервер с музыкой был далеко и перемотать её Иса не мог.

Поэтому он просто пошёл в подсобку, где взял ящик пива, положил сверху клубничный ликёр и коробку свежей мяты. В четверг эти ингредиенты идут лучше всего.

Убедившись, что убрал тряпку со стола у входа, как и включил подсветку под барной стойкой, Иса прошёл к двери, щёлкнул замками и отодвинул засов. Открытая дверь впустила в помещение бара брызги, влагу и безудержный ритм проливного дождя.

– Достать специи и кастрюльку для вина, – и вернулся внутрь.

Первым, как обычно, пришёл Итан.

– Иса! Срочно горячего глинтвейна! – громко затребовал Итан, стряхивая с себя целую лужу воды. – Синоптики снова наврали насчёт погоды! И это же надо – два квартала, а словно проплыл в бассейне олимпийскую дистанцию!

Маленькая кастрюлька забулькала и по пустому пока помещению растёкся аромат глинтвейна и специй, примешиваясь к звукам Rain Fall Down.

Питер пришёл с братом Андрю и молча сделал движение рукой. Первая рюмка водки отправилась в глотку. Крякнув, он оттёр рот рукавом, показал пальцем в привычный угол и оставил брата забирать напитки.

– Ну, как сам? – спросил Иса.

Он смешивал мартини и в то же время поглядывал, как льётся горячая вода в чашку.

– Как обычно, – Андрю принял напитки и расплатился. – Мы сегодня недолго. Питеру к врачу. Хочет попробовать какой-то препарат новый.

– Ты ещё рассчитываешь, что он сможет нормально разговаривать?

– Нет. Но он даже на языке жестов говорит хуже, – и его руки "произнесли" "тёплые" пожелания в сторону старшего брата.

Иса улыбнулся и добавил к заказу пару оливок.

Через час бар был полон: все столики заняты, а очередь к барной стойке, где Иса проворно разливал то виски, то глинтвейн, то маргариту, то пунш, постоянно пополнялась страждущими.

Как раз пришла Тереза, чтобы помочь и уже несла первый ящик с бутылками и чипсами. На фоне наяривал Пресли, требуя больше action, а посетители, отогревшись после дождя и рабочего дня, приходили в себя. Кому-то из них требовалась пара пива, а кому-то – бутылка водки.

Питер так и не ушёл, устроив немую сцену: помахал руками, покорчил рожи, даже матюгнулся сквозь сжатые зубы. Все в баре сделали вид, что ничего не произошло, а Андрю грустно подошёл к стойке и заказал виски.

– А ведь и ему завтра на работу, – после чего залпом выпил янтарный напиток, кинул монетку в корзинку "В пользу брата" и ушёл.

Айзек сидел у стойки и в который раз рассказывал о расставании с женой, а Иса слушал вполуха, разливая алкоголь и давая указания Терезе.

Несмотря на увлечённость своим делом, сегодня у Исы из головы не шёл разговор с отцом. Он осмотрел зал и постарался увидеть каждого, как на портрете: подметить кривые улыбки, затравленные взгляды, гневные морщинки, и то, как расслабляются эти же лица в его баре, под хорошую музыку и с правильно подобранным алкоголем. А ведь раньше каж-

дый из них пил муть, которая не приносила ничего, кроме похмелья на следующее утро. Теперь же, каждый входящий в его бар получал именно то, что ему было нужно.

И возвращался.

Иса считал такой подход выгодной бизнес-моделью.

Но отцу не нравился этот бизнес и планы на сына были совершенно иными. Но у каждого живущего есть свобода воли, верно?

Поэтому Иса работал в своём баре. И его клиентам это нравилось. Но настроение было не ахти всё равно.

Пока не открылась дверь и вместе с брызгами дождя и порывами холодного ветра в бар не вошла девушка.

Иса вперил в неё взгляд: новый клиент, новые вопросы и новые напитки. Она же неуверенно отряхивала с себя капли и осматривалась по сторонам. Мокрые каштановые волосы липли ко лбу и щёкам, холодя нежную, бледную кожу. Карие глаза светились внутренним огоньком, который пытался затушить ореол страха.

Девушка оглядывала полутёмный бар, но посетители не обращали на неё никакого внимания. И видимо это её немного успокоило.

Она расстегнула серый плащ и под ним мелькнуло синее платье. На тонкой шее был повязан шарф, а на запястье – плетённый браслет.

Совершенно нетипичная внешность для этого места.

Она уже спокойно подошла к стойке и окинула взглядом

ряды бутылок за спиной Исы.

– Добро пожаловать в моё заведение, – поприветствовал девушку Иса. – Что вас привело в мою тусклую обитель?

Она улыбнулась и ответила:

– Наверное, как и всех собравшихся, в этом виноват дождь, – она поправила влажную прядь.

– Мы сами выбираем, куда нам попасть, – философски заметил Иса.

Девушка нахмурила лобик:

– Возможно. Но погоду мы точно не выбираем.

– Зато, – Иса достал обычный высокий стакан и трубочку, – мы можем сами выбирать напитки, чтобы переждать непогоду. Вам чего: тёплого молока или тёплого вина?

Девушка захлопала ресницами:

– В обычный день я бы выбрала молоко, – она рассмеялась. – Правда, не здесь. Но раз я уже оказалась тут, давайте вина. А корицы добавите?

– Конечно. И кардамона.

Девушка демонстративно похлопала хозяину бара с широкой улыбкой, а Иса занялся напитком.

В это время Итан, наконец, встал из-за своего столика и, оплатив свои рюмки, распрощался. Первым, как и всегда.

– Давай, Иса. До следующей недели.

– Удачи, Итан. Передавай привет Маргарет.

– Обязательно.

Девушка взяла стакан и проводила взглядом Итана. После

чего спросила у Исы:

– Иса? Какое интересное имя!

– Меня так называют друзья.

– Итан ваш друг?

– Все постоянные гости здесь – мои друзья. И называют Исой.

Девушка зарылась носом в стакан, хитро блеснула карими глазами и спросила:

– А я могу называть вас Исой?

Мужчина ответил:

– Я буду рад новому другу.

Девушка расцвела, но уточнила:

– Не обещаю, что буду ходить сюда каждый день.

– Этого и не требуется, чтобы быть другом. Верно Мэтт?

Мужчина в метре от стойки оторвался от картошки фри и телефона, сложил пальцы в рокерской козе и вернулся к еде.

– Он заезжает раз в три месяца, когда перегоняет фуру с грузами для налоговой, – Иса протёр пивной бокал. – Так что режим посещения мои друзья выбирают самостоятельно. Такой вариант годится?

Девушка подняла свой стакан:

– Годится! – сделала глоток, после чего протянула узкую ладонь. – Мария!

– Очень приятно, – ответил Иса. – Говорят, так звали мою маму.

– Говорят? – удивилась Мария.

– Я её не знал. Воспитывал меня отец. Если это можно назвать воспитанием, – ворчливо закончил Иса, посмотрев на телефон.

Тот разумно молчал.

– А вы всем рассказываете про свою мать? – девушка снова хитро блеснула глазами.

Иса загадочно ответил:

– Для каждого друга – своя история.

Мария внимательно изучила хозяина бара.

– Вы не выглядите таким старым, чтобы каждому рассказывать новую историю.

Иса промолчал, достал из-под стойки коробочку и протянул Марии:

– Шоколадное печенье?

Разумеется, девушка была поражена.

Отец больше не звонил. Прошло уже больше двух месяцев с их последнего разговора и Иса с удивлением смотрел на молчащий телефон. Но это была мелочь. Удивительный, но не критичный момент.

У Питера всё-таки нашли рак горла и он вместо химеотерапии выбрал спиртовую замену. Как и прежде Иса видел, что после очередного пол-литра расслабляется лицо Питера, но это уже походило на расслабленность смерти, а не жизни.

Но при этом водка всё равно оставалась единственным лекарством, которое могло помочь ему. И Иса молча подливал, несмотря на протесты Андрю.

Итан перестал заходить месяц назад и только на прошлой неделе ещё один из постоянных клиентов принёс страшную весть: попал в больницу после нападения и скончался от множественных ножевых ранений. В тот четверг все собравшиеся почтили его минутой молчания и виски за счёт заведения.

Вчера же зал затопило. Соседи этажом выше увлеклись ссорой и забыли о большой джакузи, которую планировали принять вместе. И которую установили в обход техники безопасности. Об их намерении помыться узнали посетители бара в среду, когда под Tears in heaven с потолка сначала закапало, а затем полило.

И сегодня Иса хмуро смотрел на куски штукатурки, которые лежали на столах, на лужи на полу и маленькое озерцо в уборной. Неоновую подсветку под стойкой закоротило и источником света служил строительный фонарь на жёлтой треноге. В его ярком свете помещение выглядело местом съёмов дешёвого боевика после перестрелки.

И стук каблуков по лесенке у двери – как контрольные выстрелы.

– О, боже! Иса! Что здесь произошло?

Мужчина повернулся и увидел ошарашенную Марию. Её каштановые волосы были завиты и уложены. На платье ни

складочки. А туфли поражали высотой каблуков.

– Нас немного затопило, – невесело ответил Иса.

– Я заметила, что это не похоже на вечеринку мокрых маек, – сказала Мария и подошла к хозяину бара.

Тот сидел на высоком барном стуле, волосы замызганы и с кусочками штукатурки. Штаны и майка – в разводах и пятнах.

Глядя на прихорошившуюся Марию, Иса чувствовал себя... неправильно. Тем временем девушка спросила:

– А где все?

– Кто?

– Те, кто называют тебя Исой. Твои друзья?

– По домам, где им ещё быть? – удивлённо ответил Иса.

– А почему эти друзья тебе не помогают? Почему бросили в беде? – девушка упёрла кулаки в бёдра и нахмурила лоб.

Иса не нашёлся, чем ответить на столь яркое проявление эмоций и проямлил:

– У всех свои дела, проблемы...

– Ага, как же! – Мария сдвинула брови. – Так. Доставай щётки, тряпки, вызывай электрика и – вперёд!

– Вперёд куда? – неуверенно спросил Иса.

– Наводить порядок!

Девушка заглянула в туалет, увидела лужу, вздохнула и спросила:

– У тебя лишних кроссовок или тапок не найдётся? На

каблуках не очень удобно работать шваброй.

Иса молча встал, принёс сменную обувь Терезы, чистую майку из своих запасов и разогрел воду для чая, пока девушка переодевалась в рабочий вид.

Спустя четыре часа тяжёлой работы, он положил на тарелочку не только шоколадное печенье, о котором мечтала Мария, но и бисквитное пирожное.

И он не знал почему.

– Ты готов?

Исе не хотелось отвечать на этот вопрос.

Впервые за годы работы в собственном баре, он опасался открыть двери для других. За те несколько дней, что они с Марией приводили помещение в порядок, он ощутил желание... уединиться, отгородиться от других, от посторонних, даже если называются они друзьями.

Но Мария смотрела на него восторженными глазами, ожидая, когда он сделает последний шаг и просто откроет дверь.

Он прикрыл глаза, вздохнул и отодвинул засов. В лицо пахнул тёплый ветерок, в танце которого кружилась пыль города и пыльца деревьев.

К его плечу прильнула Мария и сказала:

– Лето приходит в город.

Они так и стояли вдвоём в дверях, вдыхая свежий воздух и наслаждаясь моментом.

А потом он пошёл работать, а она – к себе. Перед уходом Мария мягко коснулась его щеки и сказала:

– Я приду.

– Я буду ждать.

В колонках звучала *You'll be a woman soon*.

Как ни странно, первый день после ремонта прошёл спокойно. Старые и новые посетители, привлечённые слухами и запахом свежей краски, заглядывали, заказывали, улыбались, платили и уходили. Совершенно обычный круговорот жизни в подобных заведениях.

Только Иса сегодня был немного другим. Он всё так же чётко угадывал желания посетителей, тонко разделяя тех, кому нужен *Budweiser* или *Heineken*, от тех, кому – *Hennessy* или *Tanqueray*. Но его глаза смотрели мягче, в них исчез колючий внимательный наблюдатель, который отмечал, как разглаживаются пьяные лица. Сегодня он смотрел одновременно глубже и более поверхностно.

Это заметили старые завсегдатаи. Кто-то понимающе кивал, а Питер ворчал, словно неугомонный кишечник после килограмма капусты. Андрю успокаивал его. Это не помогало и с каждой выпитой рюмкой лицо Питера становилось краснее, а рокот из большого горла – громче.

Но Исе было всё равно. Он просто ждал и впервые понимал, что есть что-то большее, чем бар и тянущееся всю его жизнь противостояние с отцом. Который, между прочим, так и не позвонил. А не знать о потопе он не мог.

Но мысли Исы прервало её появления.

Замерли все немногочисленные вечерние посетители: взгляды приклеились к Марии.

Она изящным движением убрала локон за ухо с серебряной серёжкой, после чего грациозно спустилась по небольшим ступенькам. На ней было красное обтягивающее коктейльное платье, от чего казалось, что волосы стали рыжеватыми. На руках звенели браслеты из тонких колец, в руках она держала небольшую сумочку. Но даже последний забулдыга в тёмном углу заворуженно смотрел в её сияющие карие глаза.

Она прошла сквозь притихший зал в сопровождении лёгкого аромата духов и *Nothing else matters:*

Trust I seek and I find in you

Every day for us something new

Мария подошла в барной стойке, положила на неё сумочку и глядя Исе прямо в глаза, спросила:

– Что вы можете предложить девушке выпить?

Иса видел овал лица и тонкую кожу; трепещущие ноздри и пламенеющие глаза; слегка прикусанные, будто в попытке сдержать рвущиеся наружу слова, губы; пульсирующую артерию на шее. Сердце хозяина бара пропустило удар, поражённое увиденным, а затем ускорило свой бег.

– Есть идея, – ответил он и повернулся к ровным рядам бутылок, что буквально утром она и выстраивала.

Розовое вино. Клубника. Немного ванили и... из-под стой-

ки появился фигурный бокал с оранжевой лилией.

Мария коснулась руки Исы, нежно улыбнулась и тихо сказала:

– Спасибо, – но так, что у Исы по спине пробежали мурашки.

После чего она пригубила бокал и повернулась к залу.

Иса сразу захотел закончить рабочий день. Но посмотрев на часы, он понял, что до конца первого после ремонта дня ещё целых сорок минут.

Это были самые длинные и многообещающие сорок минут в его жизни.

Но даже они закончились и под лирическую Angel, Иса объявил, что бар закрывается. Последние гости распрощались с хозяином, пожали ему руку, закинули пару монет в корзинку под названием "В пользу брата" и засунув руки в карманы разошлись. Лишь набравшийся Питер обжёг взглядом Марию и ушёл, многозначительно промолчав. Андрию покинул бар давно.

Иса проверил двери, приборы и кассу, нарочито медленно и дотошно, чтобы ни одна мелочь не стала причиной для отмены вечера. Лишь убедившись, что всё в порядке, он переделался в подсобке, расчесал гриву и вышел навстречу Марии.

Она уже встала и задумчиво изучала стену с пластинками.

Платье подчёркивало фигуру и локон призывно покачивался у шеи. Но вся эта красота меркла в том свете, что вырывался из её глаз.

Иса подошёл, протянул руку и прямо спросил:

– Ты знаешь, чего хочешь?

Девушка помедлила и ответила:

– Нет. Но я уверена, что ты – знаешь.

Он посмотрел ей в глаза, стараясь не ослепнуть, и кивнул:

– Пойдём. Есть идея.

Ночь была длинной. Как и следующая неделя. А затем – месяц. Но они не пожалели.

Зазвонил телефон. Иса с трудом продрал глаза и свет экрана выжег их ярким пятном. Но за мгновение он успел понять, что телефон неопределённый.

Он снял блок.

– Слушаю, – голос спросонья был глухим.

– Здравствуй, сын.

– И тебе, папа, доброго утра.

Иса глянул на часы: десять тридцать. Для него – несусветная рань.

– Я хотел бы вернуться к нашему разговору.

Голос отца звучал серьёзно и насыщенно, будто он вёл проповедь в храме. Видимо привычка.

– Я же тебе говорил – я против. Мне не нравится эта идея, – а затем немного неожиданно для себя добавил. – Тем

более, они не заслужили этого.

Трубка помолчала, а Иса тем временем натянул штаны и заглянул на кухню. Здесь его ждала записка с её широким, чуть резким почерком:

"Уехала по делам. Люблю. P.S. Чувствую тебя даже на расстоянии".

И сердечко.

Наконец на том конце провода заговорили:

– Ты поменял своё отношение.

– Это плохо? – резко ответил Иса.

– Смотря для кого? – задумчиво ответила трубка.

– Ты опять что-то задумал? – устало спросил Иса. – Ты же знаешь, что бесполезно. А пример нашей семьи давно должен был научить тебя уму-разуму.

Трубка хихикнула.

– Мальчик мой! Проживёшь столько, сколько твой брат, не говоря про меня, поймёшь: сдаться – значит умереть. А мёртвым быть скучно, чего бы там не писал Заратустра.

– Ницше, – автоматически поправил Иса.

– Да их всех разве упомнишь? – отец явно повеселел. –

Изменения – это хорошо. Иногда они очень к месту. Привет Марии!

И прервал связь.

Иса хмуро смотрел на тускнеющий экран и думал откуда он знает её имя? Неужели действительно за всем следит? Не подавал признаков жизни, а тут в курсе последних событий.

Сон прогнало. Иса выглянул в окно: там стояла жара и асфальт плавился. В воздухе висела мерзкая дымка-обманка, которая прятала реальный мир от глаз.

– Сегодня – упор на пиво и лёгкий алкоголь, – сказал вслух Иса и пошёл чистить зубы и одеваться.

Жара сводила с ума и лёд в баке стремительно заканчивался. Питер матерился, требовал новой порции холодной водки и игнорировал просьбы окружающих. Если к нему подходили, он их отталкивал и смеялся каркающим смехом, переходящим в болезненный кашель.

Андрю перестал за ним ходить.

– Он совсем с катушек съехал, – сказал на днях Андрю. – Я бы его не винил, если бы он не портил жизнь мне и моей жене. Так что лучше пусть пьёт.

И теперь он портил жизнь всему бару.

Иса уже несколько раз порывался вынести этого человека из своего бара, но каждый раз вглядывался в его лицо и видел те боль и страх, что скрываются под маской пьяного Питера. И ему становилось его жалко.

Но вот пришла Мария и Питер раздухарился вконец. Тыкал пальцем, звал словно официантку и когда та прошла мимо него в уборную, почти ущипнул её. Иса вышел из-за стойки и двинулся в его сторону, – на всякий случай. Мария вышла обратно и пошла к нему навстречу, но тут Питер, как школьник, просто сделал ей подножку.

Каштановые волосы плеснули по ногам Исы. Его лицо пошло красными пятнами: от стыда, от злости, от страха. Он помешкался секунду, но услышал всхлип.

Иса присел и аккуратно посмотрел в лицо Марии. По щекам текли слёзы, но она старательно сдерживала рыдания. Лишь тихие всхлипы.

Иса опустил взгляд и увидел ободранные руки. Мелкие капельки крови выступали на коже, будто утренняя роса. И от вида этих капель Исе было не по себе. Он аккуратно помог Марии встать. Он старался не касаться ссадин. Но тут раздался пьяный смех:

– Смотри под ноги, шлюха! – лицо Питера представляло смесь серого смертельно больного и красного, смертельно пьяного человека. – Хотя попка у тебя ничего. Я б вдул. Думаю за это хозяин тебя и держит.

Он снова опрокинул рюмку и поперхнулся. Мария с горящими щеками, ушами и не сдерживаемыми слезами, стояла натянутой гитарной струной. Казалось всё помещение вошло в резонанс с этим напряжением.

И первым лопнул Иса. Он размахнулся и со всей силы ударил по лицу своего самого старого клиента. Того, кого называл другом дольше всего в этой комнате.

Питер откинулся на диванчике и из его носа ливанула тёмная, неприятная кровь. Но он словно не замечал, как по подбородку на рубашку и стол стекает бурный поток. Он вперил взгляд в Ису и беззвучно шевелил губами. Он не пытался

встать и даже оторвать спину от диванчика.

Наконец он хрипло сказал:

– Променял нас на бабу... – и зашёлся в кашле.

Иса повернулся к залу и заметил, что удивление царит на всех лицах. Но только в нескольких он увидел одобрение.

Но даже этого ему хватило:

– Питер! Поднимай свою пьяную задницу и вали отсюда, – а после паузы добавил, – пожалуйста.

Питер злобно зыркнул на хозяина бара, провёл рукой по лицу и будто впервые увидел кровь. Неуклюже попробовал встать, качнулся. Опёрся на стол.

– Ты и твоя шлюха – поплатитесь!

И качаясь ушёл. Вслед за ним выскользнуло несколько человек и Иса не был уверен, ради чего: чтобы поддержать или ограбить.

Сейчас это не составило бы никакого труда.

Иса обнял Марию. Её бил крупная дрожь, будто она держала в руках отбойный молоток или сидела на тысячеваттном усилителе. Мужчина заставил её сесть, налил шоколада, отрезал полукругляшки апельсина, добавил корицы. И в тишине, нарушаемой лишь тихим пением Sweet Sixteen, Мария прошептала, глядя в барную стойку:

– Шлюха... – после чего заглянула в душу Исы и продолжила. – А ведь я беременна.

В Исе схлестнулись две волны: радости и гнева.

Иса шёл по улице, а ветер и дождь встречали его как старого друга. Холодные, безликие друзья. Но в отличие от выдуманных друзей в баре, эти друзья были рядом и помогали. остужали гнев, выветривали скорбь. А без этого – тяжело. Без этого – безнадёжно. Без этого – страшно.

И одиноко.

День с утра был мокрым, скользким и дёрганным. Мария, которая уже слегка округлилась, улыбалась, но скрывала свою головную боль. Иса, всё ещё не привыкший к ранним подъёмам, пытался разлепить глаза с помощью крепкого кофе. Когда горячая капля попала на веко, сон как рукой сняло.

Вместо него пришла жгучая нестерпимая боль, которую Иса выражал цитатами Limp Bizkit. Но стоило Марии коснуться его шеи, а затем и лица, как мужчина успокоился. Боль оставалась, но тепло рук отвлекало и напоминало, кому сейчас отнюдь не легче.

Он ласково поцеловал её ладонь и уже тихо шипя пошёл надевать свитер.

Потом их ждала короткая пробежка до автобуса, жаркий поцелуй, от которого казалось испаряется дождь, не говоря про терпение водителя. А затем Иса пошёл спать.

Чтобы проснуться от надрывающегося телефона. Неизвестный, но открытый номер. Нервный женский голос, сры-

вающийся на рыдания. Резкие, как удары ножа для колки льда, слова: напали, ранена, больница, реанимация.

Сбивчивый ритм сердца и судорожные попытки надеть ботинки. Обвинения из трубки в адрес пьяного и больного.

– Он даже ничего не говорил! Только ржал! И кашлял.

Иса кинул телефон в карман и побежал по лестнице на улицу, где его ждали дождь и ветер.

Его не пускали к ней. Требовали документы. Выясняли родственные связи. Пока он не наорал на врача и не сказал, что у них общий ребёнок. Взгляд врача изменился, будто ему стало стыдно. Иса лишь подумал, что тому сейчас бы подошёл мятный ликёр. И поспешил в палату.

Теперь Иса отгонял от себя всеми силами бледный облик Марии, укрытой тонкой больничной простынёй и с вставленной в горло трубкой. Мужчину преследовал равнодушно-завистливый голос одной из медсестёр, которая коснулась волос девушки:

– Повезло девке, – а потом тихо, надеясь, что Иса не услышит, сказала. – Когда умрёт, я знаю кто за большие деньги купит для париков!

Но он услышал.

И теперь шёл по улицам, оттягивал момент. Оттягивал решение, которое давно принял.

Наконец он не выдержал. Дошёл до козырька закрытого магазинчика, отряхнул капли с головы и достал телефон. Вслепую набрал номер. Гудки. Торжественный голос на том

конце.

– Слушаю, сын мой!

– Папа, – у Исы перехватило в горле. – Мне нужна твоя помощь.

В трубке повисла тишина. Тишина была абсолютной и казалось, она выползает на улицу здесь, оглушая собой и дождь, и ветер.

А потом печальный голос спросил:

– Мария?

– Да, – Иса запнулся. – Пап, ради неё... Я готов...

Он не договорил, зная, что подписывает сделку с... в общем, не лучше, чем с дьяволом.

Иса прямо видел, как отец прикрывает глаза, поглаживает подстриженную у лучшего мастера шелковистую бороду. Но сын ждал ответа.

– Ты знаешь, чего я от тебя хочу, – заговорил голос. – Ты готов на это?

– Я сделаю это не ради людей, папа. А ради неё.

Голос в трубке повеселел:

– Конечно! Думаешь, твой старший брат взошёл на крест из-за людей? Нет, дело всегда было в женщине.

Иса покачал головой:

– Может только обойдешься в этот раз без креста?

Трубка рассмеялась:

– Разумеется! Крест давно вышел из моды. На тебя у меня большие планы, сын мой. Я перезвоню.

Телефон забибикал и включил радио, где Коэн напевал Аллилуйя. Иса вздохнул, отрубил звук, осмотрел улицу и пошёл в светлый туннель меж стен дождя, который для него открыл отец.

Орудие борьбы за души людей необходимо держать в сухости и тепле. А то, не дай Бог, простудится.